

Не прошло и полдня, как по всему главному лагерю Жунхоу разнеслись слухи: мол, генерал Жунхоу приобрёл писаного красавца, да только не стал с ним тешиться, а запер в полевой кухне стряпать.

Парни ломали головы: мол, их генерал столько лет ходил в бобылях, и вот наконец кто-то ему по душе пришёлся — неужели у него хватило духу отправить возлюбленного в чад и копоть?

Что же такого сотворил этот красавец, раз Жун Пэйянь столько лет терпел воздержание и намерен терпеть дальше? Многие вспыхнули жгучим интересом и жаждали воочию взглянуть на истинное лицо загадочного гостя.

— На что уставились? На что уставились?! А ну пошли вон отсюда! Если ещё хоть раз поглядите, клянусь, заставлю вас ночью пить грязевую жижу!

Дядя Пэн держал в обеих руках по тесаку; на лезвиях отчетливо виднелись следы износа, но это ничуть не умаляло их невероятной остроты.

Одно движение — и тесак со звонким стуком опустился на круглую деревянную доску. Плотная баранья кость была перерублена идеальным ровным срезом, отчего зрители невольно вздрогнули.

Солдаты, которые воспользовались передышкой, чтобы поглазеть на Сюй Цзыина, мгновенно разлетелись во все стороны, словно стая птиц, и в мгновение ока скрылись из виду. Дядя Пэн вытер руки о фартук, повязанный на поясе, и снова бросил взгляд на Сюй Цзыина.

Сюй Цзыин был одет в халат, подаренный Жун Пэйянем — не длинный и не короткий, он пришёлся как раз впору. Сидя в кухне с картошкой в руках, он аккуратно срезал с неё кожуру, и от этого мимолётного взгляда дяди Пэна Сюй Цзыин чуть было не порезал пальцы.

Он с застывшей улыбкой на губах посмотрел на дядю Пэна, снова уткнулся в работу и, бормоча что-то под нос, принялся чистить еще быстрее.

Пусть старый повар и выглядел добродушным толстяком, а не каким-то свирепым головорезом, глаза у него были на зависть острыми. Стоило ему сдвинуть густые брови домиком, как Сюй Цзыин оказывался всецело во власти его цепкого зора.

Сейчас сбежать отсюда не было никакой возможности. Он-то думал, что стоит ему отделаться от Жун Пэйяня, как он сможет незаметно ускользнуть куда подальше, но кто бы мог подумать, что его вместо этого приставят к живому аналогу камеры слежения!

Перед ним стояла полная кадзи картошки, целиком замоченная в воде. Чистить картофель для Сюй Цзыина было сущим пустяком, вот только под рукой был лишь маленький нож, и пользоваться им оказалось не слишком удобно.

Заметив, что дядя Пэн следит за ним, Сюй Цзыин решил не обращать внимания и принялся за дело с удвоенным усердием: если сейчас притвориться послушным, старик наверняка потеряет бдительность.

Внезапно над его головой упала тень. Сюй Цзыин поднял глаза: дядя Пэн улыбался во весь рот — судя по всему, он сходил сполоснуть руки, а теперь принёс ему длинную тёмную полоску ткани.

— Князь велел передать: работай так, чтобы одежду не испачкать, завяжи нарукавники.

Сюй Цзыин никогда прежде не видел этой штуки и пользоваться ею не умел, но всё же поблагодарил и взял ткань. Дядя Пэн добавил:

— Если те обормоты снова заявятся, сразу мне говори. Сопляки безусые, семей ещё не завели, а наглости хватает — смеют паяться на человека князя!

Сюй Цзыин даже не нашёлся, что ответить, и что-то невнятно буркнул в знак согласия.

Шрам от ножа на лице дяди Пэна был виден невооруженным глазом — в молодости он явно прошёл через множество битв. И пусть сейчас он был всего лишь старым поваром, весь лагерь трепетал перед ним.

Дядя Пэн снова заговорил:

— И волосы не пачкай пылью, сходи к колодцу на улице, отдохни и собери их. — Он сунул ему в руки еще и кожаную ленту для волос и добавил: — Это от князя.

При упоминании Жун Пэйяня Сюй Цзыин скривился и проворчал:

— Ему еще и жалко, что я одежду испачкаю?

Дядя Пэн к тому времени уже отошёл на пару шагов и бросил через плечо:

— Князь о тебе заботится.

Сюй Цзыин мысленно закатил глаза, думая про себя: заботится он о моей мордашке или о человеке — это еще бабушка надвое сказала!

Оглядев свои перепачканные руки и рукава и чувствуя, как от чистки половины таза картошки заныла поясница, он решил выйти наружу и немного размять кости.

Возле палатки кухни находился колодец, выкопанный специально для нужд полевой кухни. В пустыне вода была на вес золота, и обнаружить здесь источник считалось огромной удачей.

Не обращая внимания на вещи, оставленные дядей Пэном, Сюй Цзыин подошел к самому краю сруба, чтобы набрать воды. Деревянная бадья с глухим стуком шлепнулась на дно, и, дождавшись, пока она наполнится, он потянул её наверх.

В лагере служили суровые вояки, никаких тебе удобных блоков с ручками — качать воду приходилось с помощью обычной пеньковой веревки.

Силы к Сюй Цзыину еще не вернулись, веревка была жесткой и царапала ладони, но ему было не до того. Впрочем, стоило ему сделать пару рывков, как руки полностью онемели. Он тяжело и бессильно выдохнул, бормоча себе под нос:

— Черт, до чего же слабое это тело! На ладонях даже мозолей нет, болит до жути, мать твою.

Лоб покрылся густой испариной. Стоило ему лишь на секунду замереть, как руки пронзила дикая, ломящая боль. Тяжесть бадьи неумолимо тянула вниз, и сердце Сюй Цзыина мгновенно подпрыгнуло к самому горлу.

К счастью, в этот момент одна рука перехватила его за талию, а вторая вмиг вцепилась в толстую верёвку, не позволив Сюй Цзыину улететь в колодец вслед за ведром.

Жун Пэйянь напряг мускулы на руке и без труда вытащил полную бадью наверх. Сперва он помог Сюй Цзыину ровно встать на ноги, затем перехватил его ладони и спросил:

— Разве это та бадья, которую ты способен вытащить сам? — Он раскрыл ладонь Сюй Цзыина, и его лицо мгновенно помрачнело: — Больно?

Сюй Цзыин спрятал руки за спину. Ладони горели так, будто в них вонзили тысячи иголок, однако он упрямо бросил:

— Всего лишь стер кожу, не стоит поднимать из-за этого такой шум.

— Вокруг столько парней, любой из них с радостью помог бы тебе натаскать воды. Зачем нужно было самомурядиться?

Жун Пэйянь отбросил свой обычный развязный вид, перехватил его руки и произнес:

— Ты называешь это — стер кожу?

Ладони Сюй Цзыина были багровыми, исполосованными кровавыми рубцами от жесткой пеньки, а в живом мясе то тут, то там виднелись занозы, причинявшие пронзительную, доходящую до костей боль.

Заслышав это сюсюканье и чувствуя, как его вертят во все стороны, словно фарфоровую куклу, Сюй Цзыин до смерти смутился, оттолкнул руку Жун Пэйяня и бросил:

— Не твое дело.

С этими словами он попытался уйти.

Жун Пэйянь, разумеется, и не думал его отпускать. Слегка умерив пыл, он шагнул вбок, преграждая Сюй Цзыину дорогу, и произнес:

— Смеешь уходить? Сделаешь шаг — поцелую.

Сюй Цзыин и не думал подчиняться. Не глядя на Жун Пэйяня, он попытался обойти его стороной.

Впрочем, на этот раз Жун Пэйянь не собирался его целовать на самом деле. Криво усмехнувшись и покачав головой, он снова потянул его обратно к колодцу.

— Раз уж мне нет дела до тебя, что ты еще можешь поделать?

Не в силах вырваться, Сюй Цзыин позволил утащить себя к колодцу, где Жун Пэйянь принялся смывать кровь с его ладоней только что добытой водой. Холодная струя скользила по ранам, вызывая пульсирующую боль. Говорят, кончики пальцев связаны с сердцем — Сюй Цзыин чувствовал, что от этой боли едва ли не разрывается его собственное.

Отвернув лицо, он постарался придать голосу полное равнодушие:

— А что еще остается? Терпеть, очевидно...

Сколько он себя помнил, никто и никогда о нем не заботился. Больно, паршиво — стисни зубы и вытерпи, в конце концов, перетерпишь, и всё пройдет.

Жун Пэйянь присел на корточки и принялся аккуратно вытаскивать занозы из его ладоней. Лица его было не разглядеть, но, помолчав немного, он тихо произнес:

— Если тебя кто-нибудь обидит, обращайся, твой господин заступится.

Сюй Цзыин поджал губы и ничего не ответил. Все равно он не собирался относиться к этому всерьез, а раз так — зачем церемониться? Он просто уселся на каменный чурбан у самого края колодца, чтобы передохнуть.

Оба молчали. Возле палатки кухни людей почти не было, а с появлением Жун Пэйяня вокруг и вовсе не осталось ни души. Дядя Пэн тоже куда-то запропастился. Солнце клонилось к закату, и шелест прохладного ветра приносил долгожданную свежесть.

Жун Пэйянь, привыкший годами командовать войсками, отлично знал, как обращаться с ранами. Почти не причиняя Сюй Цзыину боли, он насыпал на ладони припасенную целебную мазь, оторвал полоску ткани и ловко забинтовал их, закончив на этом все приготовления.

Сюй Цзыин устался на собственные руки, изрядно удивленный, но вслух ничего говорить не стал. Жун Пэйянь улыбнулся ему и помог закатать и отжать мокрые рукава.

— Ты...

Заметив, что Сюй Цзыин собирается что-то сказать, Жун Пэйянь с усмешкой в голосе протянул:

— Только не растай от умиления. В конце концов, ты человек твоего господина — кому же мне еще сочувствовать, если не тебе?

У Сюй Цзыина дернулся уголок рта, и та кроха тепла, что только что забрезжила в душе, мгновенно испарилась. Не стесняясь в выражениях, он выпалил:

— ...До чего же ты бессовестный.

— Бессовестный? — Жун Пэйянь изогнул брови, и его красивое лицо озарилось лучезарной улыбкой. — Видимо, всю свою совесть я пересадил тебе на лицо, раз оно у тебя такое прекрасное.

С этими словами он протянул руку и ущипнул Сюй Цзыина за щеку. Руки у Сюй Цзыина всё еще болели, так что он с досады подался вперед и попытался цапнуть его зубами. Жун Пэйянь отдернул руку, и лицо Сюй Цзыина по инерции уткнулось прямо в него.

Воспользовавшись моментом, Жун Пэйянь чмокнул его в лоб, издав громкий звук:

— Умница какая, знает, как отблагодарить своего господина.

Сюй Цзыин мгновенно окаменел. На лбу всё еще ощущался влажный след от поцелуя. Широко распахнув глаза, он вытаращился на него так, что его миндалевидные глаза едва не

превратились в персиковые.

Задыхаясь от ярости, он прорычал по слогам:

— Жун! Пэй! Янь!!

Сюй Цзыин сорвался с места и бросился за Жун Пэйянем вокруг колодца, отчаянно размахивая своими превращенными в культи забинтованными руками, но догнать того так и не смог.

Жун Пэйянь заливался дерзким смехом и, продолжая убегать, подзадоривал его:

— Иди сюда, Цзин-цзин! Поймаешь — разрешу тебе тоже меня поцеловать.

Сюй Цзыин:

— Заткнись! Не смей, не смей меня так называть!

<http://bllate.org/book/18792/1825608>